

Двадцать второй год правления Юин, ранняя весна, легкий снег.

Обветшала повозка мчалась по горной дороге, выглядя так, словно в любой момент могла развалиться под порывами холодного ветра.

Изнутри доносились частые приступы кашля. Янь Чэн, слабый и изможденный, прислонился к стенке повозки, его лицо было серым, а губы бледными.

Никто не мог предположить, что владелец крупнейшей в столице лавки тканей будет изгнан из дома собственным младшим братом, который отправил его в пограничный город под покровом ночи.

А его красивые и нежные наложницы, одна за другой, стояли за спиной младшего брата, будто все происходящее их не касалось. В итоге единственным, кто остался с ним, оказался его законный супруг, которого он презирал двадцать лет.

Сун Цзиньшу непрерывно кашлял, его тонкие брови слегка сдвинулись, а длинные ресницы отбрасывали тень на глаза. Родинка между бровей, некогда яркая, уже потускнела от времени.

Он достал из кармана бумагу, пропитанную маслом, из которой тут же распространился аромат.

Повозка тряслась так сильно, что тело Сун Цзиньшу раскачивалось из стороны в сторону, будто он вот-вот вылетит наружу. Янь Чэн вынужден был обнять его, наблюдая, как тот разворачивает бумагу, обнажая половину жареной курицы.

Не ожидая, что Янь Чэн обнимет его, Сун Цзиньшу с испугом и легкой радостью взглянул на него.

Это была та самая курица, которую он украдкой подобрал из кухонных объедков, пока третий брат не видел. Они с господином не ели уже целый день. Он протянул курицу к губам Янь Чэна, его черные зрачки скрывались за туманной пеленой слез, осторожно пытаясь угодить ему.

— Давай поедим вместе, — сказал Янь Чэн, принимая курицу и отрывая единственную ножку, которую поднес к губам Сун Цзиньшу.

Тот, пораженный такой заботой, поднял на него глаза, но покачал головой, отказываясь от предложения.

Его лицо выглядело еще хуже, чем у Янь Чэна, щеки впали, а под глазами залегли темные круги, но даже в таком состоянии можно было разглядеть его былую привлекательность.

Колесо повозки наехало на камень, вызвав сильный толчок. Спина Сун Цзиньшу ударилась о твердую стенку повозки, а из уголка его рта выступила капля крови.

Его время подходило к концу. Сун Цзиньшу, дрожа от холода, прижался к Янь Чэну, его веки медленно сомкнулись, скрывая те глаза, которые когда-то могли очаровать.

Тепло Янь Чэна передавалось через кожу, и Сун Цзиньшу смущенно улыбнулся. Он не ожидал, что в конце концов именно он останется рядом с господином.

Закончив есть, Янь Чэн заметил, что человек в его объятиях не двигается. Опустив взгляд, он

увидел кровь, сочившуюся из уголка рта Сун Цзиньшу. В панике он проверил его дыхание и понял, что тот уже скончался, его тело постепенно холодело.

Огромная скорбь охватила Янь Чэна. Его помутневшие глаза наполнились слезами раскаяния. Он схватил руку Сун Цзиньшу и стал нежно целовать ее.

Эти руки были грубыми и потрескавшимися, совсем не такими, как у любимого супруга из богатой семьи. На запястье все еще была повязана старая красная веревочка, которую Янь Чэн когда-то бросил ему в день рождения, не найдя ей применения. Он и не думал, что она станет для него сокровищем на двадцать лет.

Слезы текли из его глаз, Янь Чэн дрожал, обнимая постепенно холодеющее тело, его губы касались ледяного виска Сун Цзиньшу.

Поцелуй, о котором Сун Цзиньшу мечтал всю жизнь, он получил только после смерти — от своего мужа.

Повозка внезапно перевернулась. Янь Чэн, держа Сун Цзиньшу, с силой ударился о деревянный пол. Он вдруг понял, что отправка в пограничный город была обманом — его младший брат хотел его смерти.

Повозка сорвалась с обрыва. Янь Чэн крепче обнял Сун Цзиньшу и закрыл глаза, лишенный сил.

Тело ударилось о острые камни, боль мгновенно охватила его, но Янь Чэн защищал Сун Цзиньшу, не позволяя ему получить ни единой царапины.

В момент, когда сознание начало угасать, воспоминания этой жизни промелькнули перед его глазами, как кадры киноленты.

Он увидел, как Сун Цзиньшу, сбитый им с ног, истекал кровью — это был их первый ребенок, который почти был потерян, после чего у Сун Цзиньшу развилась неизлечимая болезнь...

Он увидел, как в холодную зимнюю ночь Сун Цзиньшу был выгнан в боковую комнату, дрожа под тонким одеялом...

Он увидел, как Сун Цзиньшу, в слезах, стоял перед ним на коленях, умоляя не отдавать их ребенка любимому наложнику...

— Цзиньшу, если будет следующая жизнь, я обязательно буду беречь тебя и не позволю тебе больше страдать.

На небе мелькнула серебристо-фиолетовая молния, ударившая в центр ущелья, прежде чем исчезнуть в воздухе.

Звук цикад заполнил уши, и Янь Чэн, раздраженно перевернувшись, накрыл голову одеялом. Но едва он начал движение, как резко сел на кровати.

Служанка, которая собиралась разбудить его, вздрогнула, чуть не уронив таз с водой.

— Что это вы так резко, второй господин?

Она опустила полотенце в воду, выжала его и передала Янь Чэну, заметив, что он застыл на кровати, словно в кошмаре.

Собираясь позвать врача, она была остановлена, когда Янь Чэн схватил ее за подол одежды, едва не сбив с ног.

— Как ты меня назвала? Какое сейчас время?

Служанка с легким недовольством посмотрела на своего капризного господина, с недоумением ответив на его вопрос:

— Сейчас третий год правления Юин, господин. Вы, должно быть, спали слишком крепко.

Он... вернулся в прошлое?

Огромная радость охватила его. Янь Чэн с восторгом схватил служанку за запястье:

— Где... Цзиньшу?

Он не рассчитал силу, и на запястье служанки сразу же появился синяк.

Он редко проявлял такую грубость перед слугами, и служанка, испугавшись, робко ответила:

— Молодой господин на кухне, готовит для вас танъюань с рисовым вином.

Кухня находилась в конце коридора, за поворотом, позади бамбуковой рощи, посаженной матерью Янь Чэна. Каждую весну там вырастали нежные побеги бамбука, которые ели все в доме.

Утро было самым свежим временем дня, и слуги, собравшись в беседке на заднем дворе, занимались своими делами. Одни выбирали овощи, другие подметали листья.

Увидев Янь Чэна, спешащего по коридору, они улынулись и поприветствовали второго господина, но тот даже не взглянул на них, торопясь прочь.

Подойдя к кухне, он почувствовал сладкий аромат рисового вина, который заставил его пустой желудок сжаться.

Внутри находился повар, готовивший завтрак для господина и госпожи, и Сун Цзиньшу, засучивший рукава и раздувавший огонь в печи.

Его волосы на висках слегка растрепались, а на носу и щеках остались следы пепла.

Услышав шаги у входа, Сун Цзиньшу резко встал, обернулся и, увидев Янь Чэна, стоящего в дверях, побледнел.

Он поспешно потянулся к дымящемуся горшку, но, обжегшись, не смог удержать его, и горшок с ароматными танъюань упал.

Янь Чэн в три прыжка оказался перед Сун Цзиньшу, обнял его за тонкую талию и оттянул назад, но кипящий бульон пролился на его предплечье, оставив красные волдыри.

— Второй... — Сун Цзиньшу замолчал, оказавшись в объятиях Янь Чэна. Он хотел вырваться, но боялся задеть его рану, и слезы навернулись на его глаза.

Повар, услышав шум, бросил свои дела и подошел, увидев рану на руке Янь Чэна. Взглянув на Сун Цзиньшу, он вздохнул с облегчением.

Вся вина лежала на Сун Цзиньшу. Если бы этот немой не был таким неуклюжим, второй господин не пострадал бы.

Янь Чэн скрипел зубами от боли, но тепло Сун Цзиньшу в его объятиях заставило его забыть о мучительной боли в руке.

— Я позову врача!

Повар не стал медлить, выбежал из коридора и позвал ближайшую служанку, чтобы отвести Янь Чэна и Сун Цзиньшу в комнату, а затем послал мальчика в аптеку в западной части города.

<http://bllate.org/book/16689/1531789>